

УДК 321(075.8)

КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ А.КОЖЕВА

© Р.И.Зекрист

За две с половиной тысячи лет существования философии в ней было разработано множество концепций власти. Большая их часть приходится на XX и наступивший XXI век. В целом большинство этих концепций плохо согласуются между собой. Концепция власти, представленная в книге А.Кожева «Понятие Власти», и станет предметом анализа в настоящей статье. Автор исследует вслед за А.Кожевым феноменологический, метафизический и онтологический уровни анализа феномена Власти.

Ключевые слова: диалектика господства и рабства, справедливость, Бог, метафизика, власть, действие.

Александр Кожев (1902 – 1968) – известный французский философ русского происхождения (настоящие имя и фамилия – Александр Владимирович Кожевников), представитель одной из разновидностей неогегельянства. Наиболее известное его сочинение – «Введение в чтение Гегеля» (опубликовано в 1947 г.). В 1942 г. Кожев написал книгу «Понятие Власти», которая увидела свет лишь через 60 лет после его смерти – в 2004 г. На русском языке она издана в 2007 г. Концепция власти, представленная в данной книге, и станет предметом анализа настоящей статьи.

А.Кожев начинает свою книгу следующими словами: «Любопытно то, что понятие и проблема Власти столь мало исследованы. Занимались прежде всего вопросами передачи Власти и ее происхождения, но сама сущность этого феномена редко привлекала внимание» [1: 7]. И второе суждение: «Хотя теории Власти редки, нельзя сказать, что они вообще отсутствуют» [1: 7]. Данные два суждения, содержащиеся на одной и той же странице, по крайней мере, внешне не согласуются друг с другом. Власть вообще и в особенности власть политическая исследовалась еще в древнегреческой философии. Следовательно, слова А.Кожева о том, что теории власти все же существовали, верны. Но тогда какой смысл содержится в его словах о том, что феномен власти мало исследован, что его сущности редко уделялось внимание? В том, что внимание уделялось редко, он все же не прав, а вот слова «мало исследованы» можно истолковать в том смысле, что сущность власти не только в 1942 году, но и в наше время еще не до конца исследована.

Кожев утверждает, что в истории философии существуют четыре трактовки власти, принципиально различные и несводимые друг к другу. Это следующие теории: «1) Теологическая или теократическая теория: изначальная и абсолютная Власть принадлежит Богу; все прочие власти

(относительные) из нее выводятся. Эта теория разрабатывалась прежде всего схоластами, но ее придерживаются также сторонники «легитимной» или наследственной монархии.

2) Теория Платона: Власть («правая» или «законная») опирается на Справедливость. Всякая иная по своему характеру Власть есть лишь псевдо-власть, а потому держится только *силой* (более или менее «грубой»).

3) Теория Аристотеля, в которой Власть обосновывается Мудростью, Знанием, возможностью *предвидения*, выхода за пределы непосредственно данного.

4) Теория Гегеля, сводящая отношение Власти к отношению Господина и Раба (Победителя и Побежденного), из которых первый был готов рисковать своей жизнью ради «признания», тогда как второй предпочел подчинение смерти» [1: 7 – 8].

Из всех четырех Кожев считает всецело разработанной только последнюю. Он выделяет в качестве необходимых три уровня анализа Власти: феноменологический, метафизический и онтологический. Все они, согласно философу, применены Гегелем. Гегелевской теории Власти, полагает Кожев, не повезло: она вскоре была забыта, а «наиболее важный продолжатель Гегеля, Маркс, целиком упустил проблему Власти...» [1: 8].

Авторы или сторонники указанных теорий Власти отвергают другие теории как неистинные и настаивают на том, что якобы именно то, что они понимают под Властью, является единственно истинным. Есть, правда, отмечает Кожев, еще одна «теория» (именно в кавычках) Власти – та, которая истолковывает Власть как проявление силы. Но, утверждает он, «Сила не имеет ничего общего с Властью, будучи даже ее противоположностью» [1: 9].

Далее А.Кожев дает характеристику тем уровням исследования феномена Власти, кото-

рые отмечены выше. Согласно философу, «*феноменологический анализ*... должен отвечать на вопрос: «Что это такое?», применяя его ко всем «инстинктивно» квалифицируемым как властные феноменам. Он должен выявить *сущность* (идея, das Wesen) Власти как таковой, равно как и *структуру* этой «сущности», т.е. различные несводимые друг к другу типы ее проявления (отвлекаясь от «акцидентальных» вариаций реализации Власти, проистекающих из простых различий условий места и времени). <...> *Метафизический анализ*... связывает феномен Власти с фундаментальной структурой *реального* Мира. <...> *Онтологический анализ*... изучает структуру Бытия как такового, он позволяет понять «почему» и «как» (метафизической) структуры *реального* Мира, а эта структура, в свою очередь, позволяет классифицировать и анализировать (на феноменологическом уровне) указанные феномены, проявляющиеся в этом Мире» [1: 10 – 11]. Кожев утверждает: «Теория Власти, проистекающая из этого тройного анализа, будет полностью обоснованной и оправданной» [1: 11 – 12]. К процитированному он делает существенное примечание. Он пишет: «В каждом из этих трех анализов необходимо пользоваться понятием Бога, даже признавая то, что последний не существует, будучи лишь «мифом» [1: 11]. Для верующего человека, отмечает он, это является само собой разумеющимся, для неверующего анализ божественной Власти предстает анализом человеческой Власти.

Охарактеризовав эти уровни анализа, А.Кожев приступает к самому анализу феномена Власти. Первым и самым поверхностным является феноменологический анализ, хотя его результатом должно быть раскрытие сущности Власти и структуры этой сущности. Кожев, правда, утверждает, что феноменологический анализ даст нужный эффект лишь при том условии, что он будет полным.

Феноменологический анализ, считает Кожев, необходимо начинать с дефиниции Власти. Прежде всего, отмечает он, бросается в глаза то, что Власть так или иначе связана с движением, с действием. Иначе говоря, Власть – активный, а отнюдь не пассивный феномен. Но действие, активность предполагает *деятеля*, кем бы он ни был – Богом или человеком, но однозначно им не может быть животное. Подлинное действие предполагает сознательность и свободу (вот почему животное не может быть осуществителем Власти). Власть осуществляется деятелем, следовательно, существом сознательным и свободным. Следовательно, осуществление Власти есть *властное действие*. А как таковое оно необходи-

мо предполагает то или того, на что или на кого оно направлено. Поскольку же властное действие может быть направлено на людей – существ, обладающих сознанием и волей, то сфера его ограничивается миром человеческой действительности. «*Властное* действие, – отмечает Кожев, – отличается от всех прочих тем, что оно не встречает *противостояния* со стороны того или тех, на кого оно направлено. Это предполагает, с одной стороны, *возможность* оппозиции, а с другой – *сознательный* и *добровольный* отказ от осуществления этой возможности» [1: 16]. Действующей стороне противостоит страдательная сторона, следовательно, Власть по своей сути есть *отношение*, следовательно, она не может быть индивидуальным феноменом. Власть – *социальна*: «чтобы имела Власть, необходимы по крайней мере *двое*». «Следовательно, – заключает Кожев, – Власть есть *возможность действия* одного деятеля на других (или на другого) без того, чтобы они на него *реагировали*, хотя и *способны* это делать. Если сказать иначе: действуя *властно*, деятель может менять внешнего ему человека, не испытывая при этом обратного действия, т.е. не изменяясь по ходу своего действия» [1: 17]. Отданное деятелем распоряжение, считает Кожев, не должно вызывать не только неповиновения или обсуждения этого распоряжения страдательной стороной. Если неповиновение просто-напросто элиминирует сам акт властного действия и тем самым самое Власть, то обсуждение, дискуссия и т.п. наносит ущерб самому существу Власти. В этом отношении Власть, отмечает Кожев, сродни феномену Права. Власть есть право осуществлять властные действия. Между Властью и Правом имеется сходство также и в том, что они могут иметь лишь легальный, или легитимный, характер. Нелегитимная власть, отмечает Кожев, – это нонсенс, *contradictio in adjecto*. Но имеется и важное различие: «...Власть изначально исключает силу, тогда как Право предполагает, хотя ей не тождественно...» [1: 19]. Феномен Власти, отмечает далее Кожев, сходен с феноменом Божественного. Тем не менее это не одно и то же. Власть «представляет по сути своей *человеческий* (социальный) феномен, тогда как *божественное* действие, хотя и родственно властному, все же ему не тождественно» [1: 23].

Божественное действие по своей сущности *вечно*, тогда как властное действие, будучи действием сугубо человеческим, всегда временно и потому преходяще. Бог ничем не рискует в своих действиях, тогда как отправление Власти всегда связано с риском ее потерять. Кроме того, Бог не нуждается в оправдании и обосновании своих

действий, тогда как Власть в этом нуждается. Власть, будучи человеческим, социальным феноменом, всегда нуждается в своих основаниях и оправданиях: «Всякая Власть заставляет задать вопрос: *почему* она существует, т.е. *почему* ее признают, испытывая проистекающие от нее акты без негативной на них реакции» [1: 25].

Феноменологический анализ, согласно А.Кожеву, позволяет вычленить *типы* Власти, притом чистые типы, ибо в реальной действительности чаще всего существуют их смеси. Согласно философу, это следующие типы: «а) Власть Отца (либо родителей вообще) над Ребенком (*Варианты*: Власть, проистекающая из значительного различия в возрасте, – Власть старых над молодыми; Власть традиции и тех, кто ее придерживается; Власть мертвых – завещание; Власть «Творца» над его творением и т.п.); <...> б) Власть Господина над Рабом (*Варианты*: Власть Дворянина над Простолюдином; Власть Военного над Штатским; Власть Мужчины над Женщиной; Власть Победителя над Побежденным и т.д.); <...> γ) Власть Вождя (*dux, Duce, Fuehrer, leader* и т.д.) над Толпой. (*Варианты*: Власть Вышестоящего (директора, офицера и т.п.) над Нижестоящим (служащим, солдатом и т.п.); Власть Учителя над Учеником; Власть Ученого, Техника и т.д.; Власть Прорицателя, Пророка и т.д.); <...> δ) Власть Судьи (*Варианты*: Власть Арбитра, Власть Контролера, Цензора и т.д.; Власть Исповедника; Власть справедливого или честного человека и т.д.)» [1: 26 – 28]. Кожев не разъясняет, на каком основании строится данная типология. Очевидно, это – тип соотношения активной и пассивной, деятельной и страдательной сторон властного отношения. Сообразно этим чистым типам Власти существуют, считает Кожев, и четыре теории Власти: схоластическая (теологическая), гегелевская, аристотелевская и платоновская. Таким образом, согласно А.Кожеву, существовавшие в истории теории Власти концептуализируют *действительные* типы Власти.

Дав более или менее краткое описание предложенной Кожевым типологии, А.В.Трухан отмечает: «Изложенная автором конструкция при первом знакомстве вызывает много вопросов: уж слишком сильно бросается в глаза теоретический произвол автора» [2]. С ним можно вполне согласиться: ведь А.Кожев излагает свою типологию, не похожую ни на какие другие, и совсем не обосновывает ее. Правда, А.В.Трухан этим замечанием фактически и ограничивается, переходя к анализу истолкования А.Кожевом феномена разделения Власти. Другой исследователь концепции Власти Кожева, П.А.Сапронов недоумевает,

как и А.В.Трухан, но по другому поводу. Он пишет: «...У меня возникает недоумение: почему автор считается только с теориями? Ведь, помимо них, существуют еще и теоретически не оформленные представления о власти...» [3: 287] В качестве примера он называет «Государь» Н.Макиавелли, а также миф. И он начинает рассматривать проблему власти сквозь призму мифа, так или иначе сопоставляя это с типологией власти А.Кожева. (Следует отметить, что истолкование власти как атрибута мифа и ритуала принадлежит именно П.А.Сапронову (см.: [4: 25 – 45])). Иначе говоря, данный автор подходит к концепции А.Кожева не объективно-отстраненно, а сквозь призму своей собственной концепции, используя ее как мерилу других концепций власти.

Вернемся к Кожеву. Охарактеризовав типы Власти, он начинает их анализировать. Начинает с последней. Согласно Гегелю, по мнению А.Кожева, сущность Власти выражает отношения Господина и Раба, изложенные в «Феноменологии духа», все же остальные формы Власти Гегель выводит из этого якобы фундаментального для него отношения.

Это, однако, неверное истолкование концепции Гегеля. Гегель, как известно, рассматривает диалектику господства и рабства в разделе «Самосознание» в главе «Истина достоверности себя самого», первый параграф которой назван: «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство». В этом параграфе Гегель анализирует определенную ступень эволюции сознания, чему в целом и посвящена «Феноменология духа». Диалектика господства и рабства привлечена здесь Гегелем в качестве *иллюстрации* диалектики самосознания (точнее – начальной ее стадии) и не более того. Это отнюдь не гегелевская концепция власти как таковой. Соотношение господства и рабства, конечно, есть одна из форм проявления власти, но не форма власти вообще. И характерна такая форма власти, по Гегелю, лишь для *Востока*.

На Востоке, согласно Гегелю, ситуация такова: «Один господствует, другим управляют. Власть – понятие, в котором все равны. Господство определяет их взаимоотношения, господство силы, гения или слѡва. Раз и навсегда определенный характер ничего не оставляет за своими пределами, кроме того, над чем он господствует или что господствует над ним. <...> Поэтому-то в восточном характере так тесно переплетаются между собой два с первого взгляда друг другу противоречащих определения: *стремление властвовать над всеми и покорное подчинение любому рабству*. Над тем и другим

действует закон необходимости. Господство и порабощение – оба этих состояния здесь на месте, ибо в обоих царствует одинаковый закон власти» [5: 214].

Анализируя концепцию власти Аристотеля, Кожев отмечает, что хотя тот и понимает Власть как господство, тем не менее у него представлен иной тип власти, чем у Гегеля. Власть здесь аналогична власти человека над животным. Анализируя концепцию Власти Платона, Кожев приходит к следующему выводу: «В своей исключительности эта теория является, несомненно, ложной. Как таковая, Власть Господина или Вождя не имеет ничего общего со Справедливостью. Власть Отца также независима от того, насколько она воплощает (или не воплощает) Справедливость» [1: 35 – 36]. Особенно не приемлема данная концепция применительно к политической власти, которая редко основывается на справедливости.

Четвертой теорией Власти, выделенной Кожевом, является схоластическая (иначе: теологическая, или теократическая). В этой теории всякая человеческая власть соотносится с Властью Бога, являющейся абсолютной. Существенно в данном случае то, что понимается под последней. «Если, – пишет Кожев, – Бог есть воплощение Власти, то нет ничего удивительного в том, что в теологической теории мы найдем все четыре перечисленных нами типа» [1: 40]. Бог выступает для человека и как Господин по отношению к Рабу, и как Вождь по отношению к своему Народу, и как Отец по отношению к своим Чадам, и он же есть воплощение абсолютной Справедливости. Более всего Власть Бога соответствует Власти Отца, что как раз и отсутствует в остальных трех теориях Власти. Бог в иудаизме, христианстве и исламе предстает как Творец мира и человека и, следовательно, как их причина. Кроме того, теология пытается и всякую земную, человеческую власть истолковать как божественную, то есть исходящую от Бога.

Подводя итог рассмотрению типов Власти, А.Кожев пишет: «Итак, мы пришли к следующему результату. Существует четыре несводимых друг к другу типа (человеческой) Власти:

- Отца (Причина),
- Господина (Риск),
- Вождя (Проект-предвидение),
- Судьи (Справедливость).

Каждому из этих типов соответствует теория:

- Отца – Схоластика,
- Господина – Гегель,
- Вождя – Аристотель,
- Судьи – Платон.

В действительности все конкретные случаи Власти всегда выступают как смешанные: все четыре чистых типа вступают в комбинации. Тем не менее различать их можно по *преобладанию* какого-то одного (или нескольких) чистых типов» [1: 46 – 47]. Учитывая все возможные комбинации типов с преобладанием тех или иных элементов всех типов, можно, отмечает Кожев, получить полный набор, в котором наряду с четырьмя чистыми типами будет существовать еще 60 комбинированных; всего – 64, как гексаграмм в известном памятнике древнекитайской культуре «Ицзинь». Только в «Ицзине» не четыре, а две базовые гексаграммы – Цянь (Небо) и Кунь (Земля).

При этом Кожев пишет, что «нужно тщательно различать *тотальную* Власть, охватывающую все четыре чистых типа, от *избирательной* Власти, включающей один, два или три таких типа» [1: 49]. Далее Кожев говорит о различии абсолютной и относительной Власти. При абсолютной Власти «никакой акт ее носителя не вызывает “реакции”» [1: 77 – 78]. И наоборот, любая форма относительной Власти всегда вызывает ту или иную форму «реакции». Но абсолютная Власть полагается лишь Богу. Рассуждая о проблеме генезиса Власти, А.Кожев различает два его рода – спонтанный и обусловленный. С обусловленной Властью связан вопрос о ее передаче, так как подлинный генезис Власти, согласно Кожеву, может быть лишь спонтанным, а всякий обусловленный – лишь ее передачей.

Разобравшись с феноменологическим анализом феномена Власти, А.Кожев переходит к двум другим. Бросается в глаза, что метафизическому и онтологическому анализам феномена Власти, по сравнению с феноменологическим, он посвящает всего лишь несколько страниц. Начиная метафизический анализ, он отмечает, что Власть есть человеческий, *не природный*, следовательно, общественный и тем самым – исторический феномен. А это значит, что «...Власть может проявляться (стать феноменом) только в Мире с *временной* структурой. «*Метафизическим* основанием Власти, – поясняет Кожев, – выступает поэтому “модификация” такой сущности, как Время (разумеется, «человеческое» Время со своим ритмом: Будущее, Прошлое, Настоящее, в противоположность «естественному» Времени с приматом Настоящего в области «физики» или с приматом Прошлого в области «биологии»)» [1: 78]. Кожев добавляет: «В Вечности как таковой нет Власти» [1: 80]. Некая *временная* Власть может метафизически обосновываться как Вечная, но тогда она должна обнаружиться в соотношении Времени и Вечности. В этом случае

«... Власть с необходимостью подразделяется на четыре типа: Власть Вечного и Власть Временного, представляемая Властью Настоящего, Прошлого и Будущего» [1: 89].

Завершая метафизический анализ феномена Власти, Кожев отмечает: «Метафизический анализ тем самым “обосновывает” анализ феноменологический в том смысле, что он объясняет, почему с необходимостью имеются *четыре* несводимых далее типа Власти и почему их *только* четыре. Он подтверждает, что наш список из 64 вариантов является действительно *полным*» [1: 90]. Из этого анализа можно выводить некоторые моральные или политические следствия, которые вытекают из феноменологического анализа. Однако метафизический анализ не является достаточным. В этой связи, отмечает Кожев, «необходимо обратиться к фундаменту самого метафизического анализа, дополнив его углубленным онтологическим анализом» [1: 90 – 91]. В чем заключается суть данного анализа? А.Кожев пишет: «Онтологический анализ должен приоткрыть структуру самого Бытия, взятого как само Бытие, структуру, которая соответствует четвероякому “феномену” Власти, где сам феномен “манифестирует” (в плане человеческого существования) метафизические “экзистенции” Вечности и Времени в их трех фундаментальных “модусах” (равно как и их “реализации” в форме “причин”»)» [1: 91].

Поскольку каждая из чистых теорий Власти претендует на универсальность, постольку, пишет Кожев, ни одна из них «не включает в себя глубокого онтологического анализа» [1: 91], а в той мере, в какой она включает, он предстает в неполной или даже в искаженной форме. Кожев подчеркивает, что «именно неточность онтологий авторов этих теорий вела их к неполноте феноменологического анализа, поскольку они видели в сложном феномене Власти лишь аспект, соответствующий их односторонней концепции Бытия» [1: 92]. В этих теориях тот или иной аспект Бытия некритически принимается за целое Бытие, тем самым искажая последнее. Свой вывод Кожев формулирует следующим образом: «Все эти онтологии должны модифицироваться (дополняться и уточняться) именно потому, что ими описываются частные *аспекты* Бытия, открываемые ими так, словно речь идет об *интегральном* Бытии. Поэтому *полный* онтологический анализ феномена Власти (т.е. феномена четвероякого) позволил бы нам разработать *полную*, а не фрагментарную онтологию, каковыми были все только что рассмотренные» [1: 93]. Поэтому выработка неискаженной, целостной онтологии должна предшествовать исследованию фе-

номена Власти. Но в то же время «столь важный феномен, как Власть, не может упускаться из вида в онтологических исследованиях. «На деле, – утверждает Кожев, – работа должна вестись через постоянные переходы: мы спускаемся к феномену, исходя из онтологии (предполагаемой как окончательная): мы поднимаемся от феноменологии (предполагаемой окончательной) к Бытию как Бытию. Только так можно однажды прийти к феноменологии, метафизике и онтологии, т.е. к философии поистине окончательной – *истинной* абсолютным образом» [6: 120].

На этом А.Кожев оставляет свой анализ феномена Власти на обозначенных им уровнях анализа, предоставив программу этой «челночной» разработки онтологии будущим философам. Сам же он переходит к тому, что он называет «дедукциями», т.е. к следствиям – политическим, моральным и психологическим, вытекающим из сделанного им анализа на уровне всеобщности. Их мы касаться не станем, а дадим общую характеристику концепции Власти А.Кожева. При этом отметим лишь два момента. Первый – это трактовка типов концепций Власти и их соотношения с реальными типами Власти. Такая трактовка не позволяет подвергать критике данные концепции иначе, чем упрекать их в односторонности, ибо, согласно философу, действительная власть – четвероякая, содержащая в себе все четыре «чистых» типа в качестве своих неотъемлемых аспектов, следовательно, атрибутов. Но такая типология как концепций, так и форм Власти отказывает в возможности иных типологий тех и других по *иным* основаниям. Например, концепция, истолковывающая Власть как онтологический феномен, и концепция, ограничивающая сферу Власти социокультурной действительностью, – это разные типы истолкования Власти. Для Кожева возможность такой типологии исключается.

И второй момент. Кожев выделяет феноменологический, метафизический и онтологический уровни анализа феномена Власти. Что касается феноменологического, то, как уже отмечено выше, Кожев приписывает этому уровню возможности, выходящие за его границы. Феноменологический уровень – это уровень *явлений*; сущность и структура сущности недоступна ему. Кожев – гегельянец, и ему это должно быть известно. Что касается соотношения метафизического и онтологического анализов, то тут тоже возникают неясности. Как известно, со времени поздней Античности и Средневековья метафизика была синонимом философии. Метафизика состояла из двух разделов – онтологии и рациональной психологии. У Гегеля Метафизика стала

синонимом Логике: «логика совпадает... с метафизикой – наукой о вещах, постигаемых в мыслях, за которыми признается, что они выражают *существенное в вещах*» [7: 118]. Гегель различал объективную и субъективную Логик. Поэтому у него есть и более узкая трактовка метафизики. «Объективная логика, – пишет он, – ...занимает скорее место прежней *метафизики*, каковая была высившимся над миром научным зданием, которое должно было быть воздвигнуто только *мыслями*» [7: 118]. Но в гегелевской системе различие между объективной и субъективной Логикой не столь уж существенно: и та и другая суть атрибуты Абсолютной Идеи. В последующей философии средневековое понимание метафизики было отброшено, и то, что она тогда означала, стала означать онтология – учение о Бытии, или иначе – о Мире как целом. Г.(Д.)Лукач, правда, писал об онтологии общественного бытия.

Следовательно, выделенный Кожевом метафизический анализ, наряду с онтологическим, является несостоятельным. Что же касается онтологического анализа, то в этом случае различие Бытия и общественного бытия, Большой и Малой онтологий необходимо, чего А.Кожев не делает. В заключение приведем оценку концеп-

ции А.Кожева П.А.Сапроновым. Он пишет: «...Это что угодно, только не последовательное разворачивание понятия» [5: 292]. Понятия власти, разумеется. С данной оценкой можно согласиться лишь отчасти.

*****

1. *Кожев А.* Понятие Власти. – М.: Праксис, 2007. – 93 с.
2. *Трухан А.В.* Концепция метафизики власти А.Кожева // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – Октябрь. – №3. // URL: elibrary.ru (дата обращения 04.11.2011).
3. *Сапронов П.А.* Концепция власти у Кожева. Критический анализ // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – СПб. – 2011. – Т. 12. – С. 285 – 292.
4. *Сапронов П.А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. – СПб.: Церковь и культура, 2001. – 815 с.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Исторические этюды // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 668 с.
6. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Наука логики. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с.
7. *Гегель Г. В.Ф.* Наука логики: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с.

A.KOZHEV'S CONCEPT OF POWER

R.I.Zekrist

In the course of its two-thousand-year existence a number of concepts of authority have been developed in philosophy, most of those in the XX and XXI century. On the whole the majority of these concepts are in poor agreement with each other. The concept of authority presented in the book of A.Kozhev «Concept of Authority» is the subject matter of the present article. The author investigates phenomenological, metaphysical and ontologic levels of A.Kozhev's authority phenomenon analysis.

Key words: dialectics of domination and slavery, validity, God, metaphysics, authority, action.

*****

Зекрист Рида Ирековна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет» (Казахстан).

E-mail: Zekrist@mail.ru

Поступила в редакцию 17.12.2011